

В. Г. Белинский

**Антология из Жань-Поля
Рихтера**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Г. Белинский**
Антология из Жань-Поля Рихтера / В. Г. Белинский – М.: Книга по Требованию,
2013. – 184 с.

ISBN 978-5-518-08960-0

ISBN 978-5-518-08960-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Да будетъ достойно оцененъ Русскими великій писатель, почти неизвѣстный въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ русскомъ *печатномъ* мірѣ. Эти песчинки золота, собранныя въ богатомъ рудникѣ, эти малые отрывки, — одна блѣдная тѣнь, недостойная великаго подлинника, — можетъ-быть, возбуждать у насъ желаніе изучить подробнѣе безсмертнаго гевія Германія, философа, натуралиста, и живописца нравовъ; пусть читатели, пресыщенные французскими романами, утолятъ возбужденную ими жажду въ новомъ, чистомъ, живомъ источникѣ!

Первый камень положенъ нетвердою рукою въ основу зданія; авось рука, болѣе искусная и опытная, довершитъ начатое и подаритъ намъ полнымъ переводомъ произведеній Жанъ-Поля! Тогда издатель будетъ вполне вознагражденъ за слабый трудъ.

Б.

Москва. 30 Января 1838 года.

ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРНАГО ХАРАКТЕРА

ЖАНЬ-ПОЛЯ.

Вотъ большая ваза, наполненная дымомъ, — вы сочтете ее за базаръ, покинутый купцами. Въ срединѣ стоитъ широкая печь, съ двумя нишами, на которыхъ ловко сидятъ зимою, курить, дремать или мечтать. Черныя балки бородаютъ желтый потолокъ. Домашніе голуби передетываютъ тамъ-и-самъ, грустно воркуя; старуха, съ очками на носу, вяжетъ чулки возле печки; молодая женщина страпаетъ кушанье нальво, у большаго окна; стукъ домашней утвари мѣшается съ глухимъ и однообразнымъ говоромъ голубей, которые собираютъ на полу сѣмя, кокетничая другъ передъ другомъ; направо стоитъ столыкъ изъ бѣлаго дерева и подлѣ его широкій дубовый сундукъ.

Мужчина, сидящій у этого столыка, это Жань-Поль-Фридерикъ Рахтеръ, изумительный геній, самый оригинальный изъ современныхъ писателей.

На немъ толстый длинный сертукъ съ полевымъ цвѣткомъ въ петлицѣ. Внимайте въ его черты;

изученіе его фязіономіи любопытно: эти черты не соглашаются между собою; онъ неправильны и огромны; его узкіе глаза брызжутъ огнемъ, и на этомъ худощавомъ лицѣ вы замѣчаете смѣсь добродушія съ огнемъ вдохновенія. Онъ безпрестанно вытаскиваетъ изъ открытаго у ногъ его сундука маленькіе клочки бумаги, приводитъ ихъ въ порядокъ и связываетъ одинъ съ другимъ: это ссылки, думы, извлеченія, ученые размышленія, осколки, обрѣзки, амальгама всѣхъ ученій, отрывки тысячи цѣтовъ, шутовской маскарадъ, ученый, мистическій, циническій, задумчивый и грустный.

Такъ создаетъ онъ свои произведенія, и его произведенія не предадутся забвенію!

Нѣмцы прозвали его единственнымъ: Жанъ-Польтер Einzige.

Они были правы. Онъ былъ такъ особенъ, отличенъ отъ другихъ, что никто не дерзнулъ передать его произведенія ни на одномъ европейскомъ языкѣ. Госпожа Сталь сдѣлала легкій очеркъ его литературнаго характера; въ немъ замѣтно больше блеска, нежели вѣрности. Онъ жаловался на это съ прискорбіемъ. «Ахъ, сударыня,» восклицалъ онъ съ шутливымъ добродушіемъ: «оставьте меня варваромъ, вы изображаете меня слишкомъ прекраснымъ!» Переводчики, ослѣпленные лучезарнымъ сіяніемъ генія, со страхомъ отступили отъ дивнаго феномена. Онъ написалъ около шестидесяти томовъ; никогда не видали еще подобнаго

слога. Это хаосъ вводныхъ предложеній, эллипсовъ, подразумевацій ; карнаваль мышлей и языка; заселеніе новыхъ словъ , приходящихъ , по прихоти автора, требовать права гражданства въ рѣчи; періоды на трехъ страницахъ , безъ знаковъ соединенія, состоящіе изъ ста фразъ; вводныя предложенія порождаютъ другія и такъ далѣе; подобія на подобіяхъ ; заимствованныя у искусствъ , у ремесль, у самой глубокой учености. И въ этомъ лабиринтѣ нѣтъ аріадниной нити , чтобъ показать вамъ дорогу; какая-то новая географія: города нигдѣ не существовавшіе — Гаарау, Шэрау, Блинлохъ, Флакиффингенъ ; лексиконъ , грамматика, эстетика—созданіе воображенія; князья, маркизы, о которыхъ никто никогда не слыхивалъ , приходящіе, какъ говоритъ Мольеръ, *montrer le bout de leur nez*, неизвѣстно за чѣмъ; короли, возводимые на вымышленные престолы; государственные совѣтники и министры , являющіеся неизвѣстно откуда и переносящіе терпѣливо насмѣшки, и все это удивительнымъ образомъ переплетено , убрано цитатами, междометіями, восклицаніями, каламбурами, эпиграммами, усѣяно неожиданными порывами, трогательными сценами, бѣлыми листками, отступленіями, которымъ посвящаются иногда цѣлые томы, эпизодами , между которыми заблуждается главный предметъ.

Прежде нежели переводить Жанъ-Поля, нужно понять его; каюго неизмѣрямаго труда это стоитъ!

Разверните романъ Жанъ-Поля: вы увидите,

сколько скрывается чувствительности, изъясности, грации, глубокомыслия въ его отважныхъ арабескахъ. Вы узнаете въ шумномъ фарсе его произведеній, чувство гуманистическое, искреннюю любовь къ людямъ, мощное сочувствіе, умиляющую поэзію. Среди густаго тумана, облекающаго весь его произведенія, въ нѣдрѣ неясныхъ порывовъ, среди оглушающаго смѣха, вы найдете слѣды невыразимаго вкуса, и изумитесь, будто увидѣвъ очаровательную фею въ пещерѣ циклопа, законченной дымомъ. Тогда вы, можетъ-быть, разгадаете писателя столь необъятнаго, столь мало читаемаго, этого генія, совершенно германскаго, покрытаго для другихъ націй тройнымъ покрываломъ, — единственнаго оригинальнаго писателя, столь оригинальнаго, что онъ не нашелъ себя ни подражателя въ своемъ отечествѣ, ни переводчика у другихъ народовъ.

Жанъ-Поль Рихтеръ совершенно постигнулъ смѣшную сторону своего времени: онъ создалъ «Шмельца». Но должно прочесть «Тигана», «Левану» и десять другихъ произведеній этого самого Жанъ-Поля, чтобъ постигнуть эту мысль во всемъ ея безуміи, этотъ маскарадъ, исполинское и ребяческое переряживаніе; это воображеніе, тривіальное, высокое, фантастическое, шутовское, безпредѣльное, издѣвающееся надъ всемъ, смѣшивающее домашнюю утварь съ пляскою планетъ и проникающее своимъ взглядомъ въ бездны созданія. Вы скажете, что это игра исполнина: такъ тяжелы, не-

развязны и своенравны его движенія. Онъ быстро перебѣгаетъ, неспотыкаясь, въ неправильныхъ порывахъ, всю лѣстницу совершенно-разнородныхъ идей. Вотъ путешествуетъ полковой священникъ, а по этому случаю луна бомбардируетъ землю. Вотъ Марсъ становится предрекателемъ и говорить съ другими иновѣрческими мірами. Вселенная въ рукахъ Жанъ-Поля—игрушка, которую онъ разбиваетъ, и потомъ собираетъ ея обломки; его преимущественно метафизическія идеи облекаются въ шутовской нарядъ: онъ вручаетъ палку арлекина времени и пространству. Неимоверная и продолжительная оргія, необузданная анархія, кузница, гдѣ среди дыма и паровъ, являюся передъ вами то маленькія человѣческія каррикатуры, тонко отдѣланныя, какъ-то очеркъ Шмельцля, то нелюбимыя, мрачныя, невиданныя образы въ блескѣ или печальномъ мракѣ, то черты глубокой чувствительности, восхищающія насъ въ «Зибенкэзъ» (Siebenkäse), повѣсти о бѣдномъ студентѣ, женившемся по любви, повѣсти, раздирающей сердце.

Красота, грація, гармонія столь же глубоко трогаютъ Жанъ-Поля, сколько уязвляетъ безобразіе; ему доступна иронія, но нѣжность сердца сочувствуетъ въ немъ всѣмъ дѣйствіямъ человѣческимъ, всѣмъ мелодіямъ природы. Самая трусость Шмельцля и тщеславіе его жены Теуберги для насъ завлекательны и заманчивы. Онъ изображаетъ человечество съ его смѣшной стороны, но вмѣстѣ внушаетъ къ нему состраданіе и любовь, не смотря

на его пороки, ни на смѣшныя стороны. Въ повѣсти объ эстетическомъ полковомъ священникѣ онъ явно издѣвается надъ всемъ своимъ отечествомъ, надъ столькими трудами, ни къ чему неведущими, надъ всеми учеными, республиканскими, тевтоническими грезами; но сравните эту кроткую иронию съ ироніею Свифта или Вольтера. Если бы мы слѣдовали до конца за логической цѣпью идей, еслибъ слѣпо вѣрили Свифту и Вольтеру, изображающимъ міръ въ видѣ темницы, наполненной узниками, убивающими другъ друга, мы не знали бы на что рѣшиться и скоро убѣжали бы изъ этого разбойничьяго вертепа. Рихтеръ не доводитъ васъ до такого отчаянія; подобно Свифту и Вольтеру, онъ любитъ проникать въ глубины, исчисляетъ подробности, ищетъ смѣшную сторону высокаго и высокую смѣшного. Вотъ человекъ: ангелъ и демонъ, ничтожество и геній, земляной червь и разумніе, вотъ онъ предъ вами: плачьте, насмѣхайтесь; сострадайте ему, презирайте его, даруйте ему прощенье. Въ этомъ отношеніи Рихтеръ приближается къ Сервантесу; они не презираютъ, не ненавидятъ, но улыбаются и плачутъ; ихъ веселіе проистекаетъ отъ истинной чувствительности. Не думайте, чтобъ они отвращались отъ своихъ героев: не замѣчаете ли, какъ нѣжно они къ нимъ привязаны, и не видите ли вы въ ихъ насмѣшкахъ состраданія и скорби?

Если разсматривать Жанъ-Поля въ отношеніи къ искусству и къ исполненію, онъ стоитъ ниже

Сервантеса. Въ его произведеніяхъ обозначается недостатокъ цѣлаго, связи и плавности. Чтеніе ихъ оставляетъ впечатлѣнія неяснымъ и противоположнымъ. Изъ этого хаоса мыслей и чувствъ, какъ съ раскаленнаго желѣза, брызжутъ тысячи искръ, пламенныхъ, высокыхъ, комическихъ: но это хаосъ. Одинъ стиль этихъ дивныхъ созданій есть уже феноменъ: дѣвственная дубрава, вѣтви которой, переплетенныя между собою, образуютъ непроницаемую ограду, представляетъ вамъ неодолимая препятствія. Языкъ, метафоры, правописаніе,—все облекается у Жанъ-Поля въ правдивичную одежду.

Онъ безпрестанно намекаетъ вамъ на то, что вамъ незнакомо и никогда не будетъ знакомо, на затерянную строку неизвѣстнаго европейскаго писателя, на физическій опытъ одесскаго ученаго. Жанъ-Поль пишетъ цѣлый томъ объ одномъ египтѣ, или въ одномъ періодѣ призываетъ небо, землю и адъ; не только слова, но и самыя идеи ударяются у него другъ объ друга неслыханнымъ образомъ: среди трогательнаго разсказа вы встрѣчаете остроумную насмѣшку; грубый, дерзкій намекъ среди глубокой или мистической идеи; странная смѣсь двуемыслия, бранныхъ поговорокъ, граціозныхъ образовъ, ученыхъ ссылокъ, нестройности и причудъ фантазіи!

Жанъ-Поль облекъ въ эти фантастическія формы даже свои ученныя, важныя сочиненія: и вездѣ, средѣ этой отталкивающей вычурности, вы

найдете тотъ же характеръ, тайное чувство въж-ности, потребность участія и любви, религіозное чувство сердца, все человѣческое сочувствіе, скры-тое подъ чудными и странными образами. Это благоуханіе доброты и чувствительности ещё бо-лье очаровываетъ васъ посредствомъ контраста; сцены самой скромной жизни волнуютъ вашу ду-шу, самыя грубыя каррикатуры васъ растроги-ваютъ: онъ выворачиваетъ наизнанку и высокое и патетическое. Омиръ и Эсхиль поражаютъ серд-це ваше величіемъ, заставляя боговъ нисходить съ неба на землю. Жанъ-Поль, Сервантесъ, Стернъ, Краббъ достигаютъ того же результата, раскапывая, такъ-сказать, самыя обыкновенныя чувства, самыя обыкновенныя случаи жизни, чтобъ отыскать въ нихъ патетическое, волнующее душу, занимательность, философію, величіе.

Если разсматривать Жанъ-Поля какъ философа и какъ мыслителя, онъ вездѣ остается вѣренъ самому себѣ: его идеи о Богѣ и природѣ мелоди-чески гармонируютъ между собою; убѣжденіе въ бессмертіи души, живая вѣра въ другую жизнь, какъ вознагражденіе за бѣдствія жизни земной, чудная, очищенная теорія счастья, ѣдкія сатиры противъ порока, пылкая любовь ко всему человѣ-честву, въжное состраданіе къ его слабостямъ и горестямъ — вотъ что находимъ мы на каждой страницѣ, вышедшей изъ-подъ пера великаго мы-слителя-поэта. Жанъ-Поля должно разсматривать особенно въ отношеніи къ нравственной психоло-